

A circular portrait of a woman seated in a red upholstered chair with gold-colored trim. She has dark, curly hair styled up and is looking slightly to her right. She wears a light-colored dress with vertical green stripes, featuring large puffed sleeves and a wide, ornate belt with a central buckle. Her hands are clasped in her lap. The background is a soft, hazy landscape. At the bottom of the oval frame, the name "M^rs D'ARLINGTON" is inscribed in capital letters.

No 26.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

FIAT

РУССКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО АВТОМОБИЛЕЙ ФИАТЪ.

Петроград, Москва, Варшава, Харьков, Киев, Одесса, Николаев, Вильна, Ростов на Д.
Екатеринослав, Баку, Рига, Елизаветград, Новороссийск, Эрмани,

Очень интересны также фотографии усадьбы Рос-
си, не только больших и роскошных, но и самых
незначительных. К ним должны быть описания.
Рукописи просить присылать по возможности пи-
санными на машинке.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

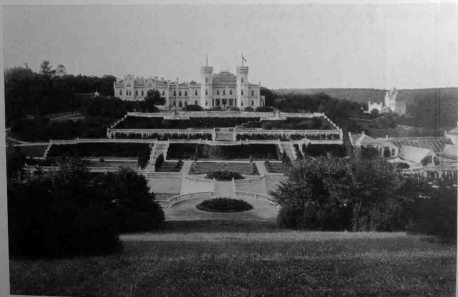

20 ЯНВАРЯ 1915 года.
ПЕТРОГРАДЪ.

ШАРОВКА.

(Имя Ю. Л. и В. П. Кеняг, Ахтырского уезда,
Харьковской губ.).

Шаровка. Общий вид дома и террасы, ведущей к парку. На заднем плане купольная усадебная церковь; направо — оранжерея и служебная постройка.

Соб. фот. „Ст. и Укр.“

Шаровка.
Часть отдѣлки хорового зала.

ШАРОВКА.

*(Имяніе Ю. Л. и В. П. Кенигъ, Ахтырскаго уѣзда,
Харьковской губ.).*

Эта роскошная усадьба не принадлежитъ къ числу старыхъ, но она исключительно богата и красива.

Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія имяніе принадлежало Альховскимъ, отъ нихъ пріобрѣтено Ге-

бенштрейтеромъ, а отъ него куплено отцомъ тепершняго владѣльца, Кенигомъ.

Роскошный домъ, дворцовой отдѣлки, перестроенъ лѣтъ двадцать назадъ. Середина дома осталась ста-

См. фот. „Ст. и 3/2“.

Шаровка.

Будуаръ В. П. Кенигъ. Надъ живою картиною,
писанною худ. Кенигомъ, родственникомъ
владѣльцевъ Шаровки.

рая и къ ней сдѣланы тогда новыя пристройки по
обѣимъ сторонамъ.

Отъ дома спускаются къ парку превосходно устроеныя
и содержимыя очень красивыя террасы, сдѣланныя
уже въ позднѣйшее время. У нижней террасы
начинается большой паркъ, соединяющійся дальше
съ лѣсомъ; часть этого парка и лѣса отведены подъ
оленинникъ. Олени чувствуютъ себя здѣсь совсѣмъ на
свободѣ, они не совсѣмъ ручные, но все таки подпускаютъ
къ себѣ довольно близко. Кормушки устроены
такъ, что ихъ можно видѣть изъ парка, и олени при-
ходить сюда въ опредѣленные часы, не боясь зрителей.

Около „большого пруда“ усадьбы расположены
оранжереи, частью оставшіяся отъ прежнихъ владѣльцевъ,
частью устроенныя уже г.г. Кенигъ. Не-
вдалекѣ построены спеціальныя помѣщенія для лебе-
дей и фазановъ, также превосходные курятники для
породистыхъ птицъ.

* * *

О внутренней отдѣлкѣ дома даютъ достаточное
представленіе помѣщаемыя здѣсь фотографіи.

Въ домѣ остались отдѣльные предметы старинной
мебели, но въ большинствѣ она новая, приобретенная

Шаровка.
Плафон хорового зала,
расписанный дрезден-
скими мастерами.

Собор. Фрески „Св. и Ус.“

Шаровка. Биллиардная.

Вся отделка — в готическом стиле сфа-
лана теперь уже не существующей мо-
сковской фирмой Шольц.

Шаровка.
Зал в первом этаже дома.

уже теперешними владельцами. В дом много кар-
тин преимущественно русских художников — Шиш-
кина, Верещагина, Шульца и др. В будуар В. П.
Кенинг висит большое полотно работы художника
Кенинг, родственника владельца усадьбы (теперь
уже умершего).

Собрано много предметов искусства, приобре-
тенных г.г. Кенинг в России и за границей. В. П. Ке-
нинг большая любительница, между прочим, старин-
ного фарфора и она его приобретает всюду в поезд-
ках по Европе и другим местам.

Собств. фотогр. „Ст. и Ус.“.

Шаронка.
Большая хоровая зала.

Шаровка.
 Лебеди на малом пруду около дома.
 На фото оражарен.

Соб. фот. „С. и У.“.

Шаровка.
 Английскіе куры. Подъ кур-
 ретжеск отведено спец-
 ально выстроено двух-
 этажное наметное аданіе.

Шаровка.
 Фазаны.

„СОБИРАТЕЛИ“.

(Записки коллекционера).

Большинство людей, к чему быду страстно привязаны, суть несомненно маняки. Наибольший же маняк из всех маняков это коллекционер.

Однажды, один мой многогранный живой приятель пригласил меня обзавестись в свой почетный клуб, гдѣ разъ на недѣлю бынеть большой обѣдъ. Мы сидѣли рядомъ, и такъ какъ онъ былъ большой страстный коллекционер и такъ какъ я, хотя весьма поперностно, тронутъ этой благородной заразой, то мы, конечно, говорили о всевозможныхъ вещахъ: бронзѣ, картинахъ, портретахъ, фарфорѣ, чашкахъ, тарелкахъ, солонкахъ, табакеркахъ, перламутрахъ, фигурахъ, хрусталѣ, серебрѣ, вышитыхъ и тканыхъ матеріяхъ, коврахъ и всея прочей безконечности и необычности, которая интересуетъ безуміе коллекционеровъ.

Мой приятель выходилъ въ періодъ увлеченій Поговскими, фарфоромъ, и такъ какъ онъ собиралъ „vieux Porcel“ широко, то въ теченіе десятка полутора убѣдился онъ набравъ охотѣ Поговскихъ статуэтокъ десятка три сланковъ, кромѣ такого же количества чашекъ, изъ коего числа многія вещи были очень рѣдкія и интересныя.

Я, въ свою очередь, рассказывалъ ему о моихъ насѣдствіяхъ десертизмъ Поговскихъ тарелкахъ, интересъ которыхъ возмущается тѣмъ, что онѣ, съ одинокими букетными цвѣтами, разбросаннымъ по тарелкамъ, вѣшаютъ въ разныхъ дождяхъ разные цвѣтные злѣгкіе на борту.

— Счастливаго, по обычаю, въ тотъ день его хранящаго, а увидѣвъ меня для меня чашка того же Погова въ количествахъ что-то сѣмъ-востанъ. У меня были почти такіе же четыре съ чашками, сланковичами и сдвѣрженіемъ. Мы стали съ нимъ беспрестанно я доказывать, что онъ долженъ продать мнѣ свои чашки, съ которыми мы серьезно выйдете возмужать, а онъ, что я долженъ ему продать мои четыре чашки со всѣмъ прочимъ.

Тарелки его особенно раздѣлали. И за обѣдомъ онъ произнесъ такія молчаливыя голодомъ, которого я не слышалъ отъ него ни разу за наше сланковомъ двадцатилѣтнемъ знакомствѣ:

— Что тебѣ стоить продать мнѣ эти тарелки!

— Какъ чего стоить?—отвѣчалъ я,— я помню эти тарелки съ дѣтства, они принадлежали у насъ къ десерту въ праздники, и я знаю, привѣтъ. Какъ же я буду продавать такую семейную вещь?

— Но вѣдь ты этихъ не живешь,—возразилъ онъ,— да тебѣ это интереснейшій, преступнейшій вопросъ. А ты помни, что я... для меня это интересъ жизни—я вѣдь этимъ живу!

Меня поразило его голодомъ. Онъ говорилъ объ абданіи этихъ тарелкахъ такъ, какъ соблазненный, извѣстный въ очиніи чело- вѣкъ, говорить объ абданіи неодолеющей ему, жестокой къ нему красавицы.

Всѣмъ разъ, какъ мы вѣстряемся—я это бываю разъ два въ году,—онъ кого нибудь „дожидаетъ“. Ожиданіе это закон- чается въ томъ, что онъ желаетъ употребить человека, но не желаяго раздѣляться со своимъ собственнѣмъ, продать ему что нибудь изъ рѣдкихъ художественныхъ вещей.

Онъ былъ какъ-то мнѣ еще въ часъ сыстакъ, когда купилъ въ желонитѣхъ семейный портретъ начала прошлаго вѣка. Теперь онъ продолжалъ сѣмъ радостно, которая озарила его нѣсколько уже мѣсяцевъ тому назадъ, послѣ того какъ онъ употребилъ успѣш- нымъ дипломатическую оладу обладаніемъ прекрасныхъ художе- ственныхъ вещей, о которыхъ съ вожделѣніемъ думали многіе коллекционеры.

Коллекционерство требуетъ отъ человека большой настойчи- вости—отнести съ доломъ халхалства и кое-гдѣ энзима.

Я удивленно люблюю энзимомъ коллекционеровъ. Одинъ мой пріятель, живущій въ Петербургѣ, выслалъ какъ то новоприобрѣ- тенными коврами, и говорилъ, что у него есть человѣчекъ, черезъ котораго часто можно достать ковра.

— Ну вотъ,—сказалъ я ему,—первую подложную покупку сдѣлай для меня, я тебѣ сейчас же вышлю и деньги.

— Неужели ты не знаешь,—отвѣчалъ онъ съ драгоцѣн- нымъ инстинктомъ,—что если будетъ коверъ подложной швы, то я его оставлю прежде всего для себя самого.

Еще другой мой пріятель, закончившій у себя цѣлыя десятки прекрасныхъ миниатюръ—исключительно семейные портреты—по- казывалъ мнѣ нѣ прелестнѣйшіе миниатюры, которые онъ, по его словамъ, только что купилъ на базарѣкъ отъ своей матери. Одна была медальонъ всемогуща Александровскаго времени съ Андреевской девицы, вышитый въ черной небольшой обѣ- сѣлкѣ, другая его жена—дѣво съ фрейлинскимъ анфромъ и при-

номъ Екатерины, въ золотой рамочкѣ, привѣшен- ная на кольцо къ старинной хрустальной миниатюрѣ.

Позабывавшись этими вещами, я черезъ часъ сказалъ его матери:—а какіе прекрасныя миниатюры мы подаримъ Кошкѣ?

— Никогда не думай дарить,—отвѣчала она,—я только позво- лила ему покататься изъ у себя въ кабинетъ.

Но я, хорошо зная „Кошкѣ“, могъ головой ругаться за то, что всякія вещи, появившаяся къ нему въ комнату, никогда больше не вернется въ то мѣсто, откуда была взята.

Родственникъ этого убѣжденнаго коллекционера получилъ отъ одного иностранца исключительно высокаго покровителя прекрасную вазу. И Кошкѣ черезъ полгода убѣдился своего родственника, что вазѣ эта ему нисколько не нужна, только занимаетъ у него лишнее мѣсто, тогда какъ въ его громадной коллекціи именно этой вазы и не достаетъ. И съ тѣхъ поръ вазѣ возвращался у него навсегда.

Не безъ трепета любитель красивыхъ вещей войдетъ въ та- кую квартиру, гдѣ противъ портрета Берковскаго виситъ не- жкая Плинка (какая рѣдкость—пейзажъ стараго Плинки изъ его молодые годы), атакимъ въ раму фаянсовыя тарелки первой выделки, за которыми ему даютъ пѣннать тысячъ, миниатюры, часы, которыми нѣтъ зѣны, люстры, вѣнчанные сверху вазами, удивительная гостиная съ мраморными столами чудовищныхъ раз- мѣровъ, съ тонкой позолотой на вышуктахъ ручекъ и спинкахъ.

Смотря на такое богатство вкуса и изящества, уносимое мыслями къ старой Москвѣ двадцатого года. Старинные мечтою пройти по старому дому графа Ростомыхъ, откуда самъхъ лучшій вещи обстановки можно было вывезти десятками тяже- лыхъ коновъ.

Истинный коллекционеръ действуетъ часто по вожделѣнію. Въ оборонной, смерзательной для всякаго другого, не видной вещи, какою нибудь стулѣ, на которомъ еще убавленъ первенное обрѣзъ обивки надъ высокимижаными старыми пружинами, и у ко- торой сохранился половина четвертой ножки при вырѣзаніи съ корнемъ трѣхъ остальными—онъ удамѣтаетъ такую вещь, надъ которой потомъ будутъ ахать и охать.

Стоявъ на въ въ вѣномъ вѣстѣхъ передъ небомъ съ леб- дыней! Такая мебель, чтобы вмѣстѣ състѣхъ кожанъ у ней было для лебѣды съ согнатыми шнурѣ, изъ которыхъ повисла пружина, и въ столѣ. Въ кабинетъ великаго князя Константина Константиновича въ Павловскѣ есть такое кресло, которое рѣзавшій генералъ Кеппель, управившій дворцомъ великой княгини Александры Тосифовны, ссыскалъ разномыслиемъ гдѣ-то въ червѣхъ, которое онъ бережно возстановилъ въ прежнемъ неизмѣнѣнѣ, вы- зомителъ и къ которому подолжалъ подложную обивку.

Одинъ мой знакомый уверяетъ, что въ Лостромскомъ живѣтъ его братъ на Воикѣ есть цѣлая гостиная на абсѣлкахъ. Мечтаю когда нибудь увидѣть это своими глазами, но не вѣрю, ибо свѣдѣ- ніе это человека было бы сланковомъ велико для смертнаго.

Часто приобретаемая вещь вѣдетъ для коллекционеровъ особую цѣну по тому источнику, изъ котораго она исполнена. Одинъ мой пріятель чрезвычайно дорожитъ мраморной простѣйшей и двумя медальонами изъ известнаго цѣла медальонами по войнѣ двадцатого года графа Теодора Толстого. Этихъ медальоновъ дорожитъ онъ, во-первыхъ, потому, что одинъ изъ нихъ бронзовыи, встрѣтился странно рѣдко, а, во-вторыхъ, потому, что оба они съ мраморной пейзажиною выхвачены у историка Александра Перваго, генерала Шаллера, котораго онъ лично зналъ, и который очень интересовался его предѣломъ, одно время приближен- нымъ къ этому императору.

Этотъ же человекъ получилъ нѣсколько тарелокъ vieux Vincen съ зеленымъ обивкомъ на золотыхъ кованкахъ.

— Вы не можете себѣ представить,—говорилъ онъ мнѣ,—какъ я радъ этимъ тарелкамъ, онъ изъ сервиза, принадлежавшаго когда то графу де Ферро.

А въ чемъ тутъ штука?—спросилъ я.

— А видите ли. Я очень люблю книгу господина Креквя „Récit d'une vie“, которую читало большинство людей, интересую- щихся духовною жизнью. Герой этой книги—молодой Альберъ де Ферро. Его отецъ былъ Николай Павловичъ французскимъ посломъ въ Парижѣ, этой семьѣ и принадлежалъ тотъ сервизъ, изъ котораго я вывѣлъ нѣсколько тарелокъ. Указавъ мнѣ Петербургъ, послѣдъ алъ Ферро продать сервизъ старухѣ Пѣ. Язвему другъ нашей семьѣ, и его дочь, теперь тоже дѣвочка старуха, отдала мнѣ эти тарелки. Мнѣ дорога память Альбера де Ферро, а мнѣ пріятно нѣтъ вещи изъ которыхъ такъ его отецъ...

В одной знакомой мне семье подавали к вечернему чаю—минусовому тот, который описал в *Евгении Онегине*:

Смиркалось на столъ блистало,
Шипѣла вечерній самоваръ,
Китайскій чайникъ нагрѣвалъ,
Полъ нѣмъ клубился асфальтъ паръ.
Разлитый Онегинъ рукою
По чашкамъ темною струею
Уже душистый чай бѣжалъ,
И синки мальчишкѣ подавала.

Старые тарелки, на серединѣ которыхъ была изображена черной раскраской корабль съ шхматами, а по борту двенадцать знаменъ зодала.

Какъ-то и захлѣбалъ въ эту семью, въ ихъ глухую деревню глухою осенью, и мы говорили о фарфоровѣ.

Мнѣ вспомнились ихъ тарелки, и я сказала: «знаете, мнѣ вдругъ пришло на умъ, что ваши тарелки съ зодалками непременно старой Велдууд?».

Принесли тарелку, принесли дуну, и я стала искать на оборотѣ впаденную подпись. Каково же было мое торжество, когда я ясно различилъ впаденное въ тарелку слово, начинавшееся съ двойного В и кончавшееся буквами «ода». Мое причастіе къ этимъ тарелкамъ еще тѣмъ же окончилось, меня соединила съ ними тайная связь.

Въ прошломъ году, отправившись съ двумя страстными коллекционерами молодыми супругами въ Александровскій рынокъ, я равнодушно смотрѣлъ на то, какъ только что открывшій свой магазинъ старичишкѣ обобщала ихъ показомъ разрозненныхъ тарелокъ. Вдругъ и увидѣлъ знакомую тарелку со знаками зодала, только много большего размѣра. Я сдѣлалъ усиліе, чтобы не вскрикнуть и не выдать тѣмъ моего волненія. Конечно, черезъ четверть часа тарелка была куплена, для того чтобы въ первое же свиданіе быть подаренной той семьѣ...

Мнѣ пришлось позвучать по кончикъ одной свойственныи давно извѣстные мѣдъ часы. На ониксовомъ основаніи помѣщена жемчужная брошюванъ группа двухъ улитокъ вполноразмѣръ развѣсившихъ улитокъ.

Эти часы входили въ составъ гарнитуры, которую я тоже давно зналъ въ одной гостеприимной и милой семьѣ, теперь вымершей. Мнѣ лично достались изъ этихъ вещей ониксовая лампа и эти ониксовые часы. У одного моего родственника находится къ нимъ канделябры, а у одного извѣстнаго, хотя незнакомаго, лица находится несчасное основаніе для этой лампы.

Когда я получалъ часы, я не зналъ, чьей работы на нихъ фигура. Какъ-то разъ, кому-то показывая, я различилъ на нихъ подпись. Каково же было мое радость, когда разобралъ съ помощью дунки эту надпись, я ясно увидѣлъ вѣсткое, хотя краткое слово: «Clodion 3-rt» (дѣлалъ Клодионъ).

Теперь я давно уже веду переговоры о канделябрахъ.

Что касается до инящей подставки къ ониксовой лампѣ, то и ее я сторожу, и ее сторожу!..

Какъ и во всемъ въ жизни, для того, чтобы успѣшно заниматься коллекционерствомъ, надо, чтобы намъ въ этомъ было.

Одинъ мой знакомый купилъ за очень недорогую цѣну шесть простоватыхъ фарисовыхъ тарелокъ. Онъ обратилъ вниманіе на то, что всѣ онѣ были сданы перенумерованы, и всѣ были заключены въ жестяныя вѣшалки, изъ чего явствовало, что онѣ когда то находились въ хорошихъ рукахъ. Оказалось, что тарелки изоросенными, но одна изъ нихъ, голландская семидесятиго вѣка, болшая и рѣдкостная жакетка.

Вы вдумываете какое нибудь примѣненіе для вещей, которыхъ никогда раньше никто не собиралъ, и легко поэтому приобратите себя такіе вещи.

Одинъ мой партнеръ сталъ собирать тѣ кожаные мѣри-вады, которыми въ старину въ деревнѣ мѣрили зерно. Онъ придумалъ употреблять ихъ какъ подгосетнички для цѣтловъ.

Другой въ нарядной гостиной краснаго дерева съ хорошей бронзой и портретами поставилъ на видномъ мѣстѣ простой большого размѣра деревянный лавочъ. Всѣ гости принимали этотъ лавочъ за фарфоровый и восхищались имъ, и никто, прежде чѣмъ его не потрогалъ, не хотѣлъ вѣрить, что это такая простая и незамѣтная штука. Этотъ лавочъ служилъ у него для винтныхъ карточекъ.

Но главное, «вѣстие» заключается въ томъ, что вы наткнетесь на вещь, точной цѣнности которыхъ не знаете провалить.

У меня есть знакомый, которому удивительно въ этомъ отношеніи везетъ.

Онъ одно время широко собиралъ фарфоръ. Купилъ что нибудъ и несеть сейчасъ же для опредѣленія въ музей Штиглицана. Купилъ онъ разъ такъ называемую «перелачу», которая въ старину употреблялась на обѣдахъ для рюмокъ. Она представляла собою овалную маску, по внутреннему борту которой сдѣланы круглые выступы, куда и вставлялись рюмки. Вещь эта рѣдка и была, несомнѣнно, Гансепетинскій эпохи.

— Оставьте намъ ее на образцы,—сказалъ ему въ музей—мы вамъ за нее сейчасъ же выложимъ пятьсотъ рублей (а купилъ онъ вещь за шестьдесятъ).

Еще купилъ онъ необыкновенную чашку рублей за шестьдесятъ. Антиквары, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, прозвали про эту чашку и стараются выудить ее. Онъ имъ отказывается. Они просятъ все нуше. Происходить такого рода сценки!

Приходитъ къ нему антикваръ и предлагать за чашку триста рублей. Онъ отказываетъ, что ни за что ее не прозастъ. Антикваръ назавѣваетъ чашку. Тогда онъ выходитъ изъ дому и садится на трамвай. Антикваръ идетъ за нимъ, называетъ въ трамвай, и, пошвысившись рюмкой съ нимъ, предлагать ему пятьсотъ рублей, умоляетъ назначить хоть свою цѣну, только не отказывать, но онъ несоколебимъ, какъ тринтъ...

Еще.

БАРЕЛЬЕФЫ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ КОЛОННЫ.

Александровская колонна на Дворцовой площади въ Петербургѣ (1829—1835) построена архитекторомъ Монферраномъ (составителемъ проекта и первымъ строителемъ Исаакиевскаго собора), въ память Отечественной войны.

Скульптурные барельефы, украшающіе четыре стороны pedestalъ, и прочія изваянія также спроектированы были Монферраномъ. Этотъ «Александрскій столпъ» является самымъ совершеннымъ произведеніемъ Монферрана и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднимъ строгимъ произведеніемъ классической эпохи.

Для сооруженія колонны были использованы кусокъ гранита, яко бы оставшійся отъ Исаакиевскаго перингова.

Доставка, обработка и постановка его на мѣсто стоили колоссальныхъ трудовъ, такъ какъ по размѣрамъ это единственная монолитная колонна въ мѣрѣ. Завершеніе ее сдѣлано по проекту скульптора Б. Орловскаго.

Председатель въ видѣ куба всанкционированъ по размѣрамъ, и изумительно хорошо строенъ барельефы въ немъ. Последние работы Германа, Лепс, Санникова по рис. Монферрана.

„На отдыхе“.
Рис. П. Кондаева.

АВТОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕТРАДИ.

I.

Частная собрания автографов выдающихся людей растут во России с изумительной быстротой.

Это довольно молодое у нас дело пустило уже глубокие корни, но ему, конечно, далеко до успехов западно-европейских и американских коллекций, что, впрочем, и не удивительно, так как, например, во Франции и Англии оно стало возникать еще с конца XVI столетия, а в середине XVIII получили полную права гражданства и перешли из узкой области исторических документов и мемуаров в широкий круг литературы, искусства и общественной жизни. Наконец,

„Посылающий с трубкой“.
Рис. Д. Бенкендорфа.

Увлекающийся любитель каждую минуту может сделать жертвой обмана и обезопасить свою коллекцию ничего не стоящими подделками.

Поэтому многие предпочитают обращаться непосредственно к самим авторам (сам вопрос является современным), не прибегая к сомнительным комиссионерам.

Разумеется, такая солидная ищия, как „The Collector“, „The Archivists“, „Revue des autographes“, служат до известной степени

полезным подспорьем и спасают от легкомысленных увлечений „лохмизы толпаров“.

Мне приходится слышать от недавно умершего балетриста, А. А. Лугового, об одном удивительном богатстве — американце (на настоящее время не припомню его фамилии), который с большим анимизмом сажал за всякие выдающиеся в области мировой литературы и науки, и как-только начинал им загораться в лучах славы, — он уже обращался к нему с просьбой — прислать (на плату) свою книгу с надписью и картинкой библиографическими данными о себе. И библиотека его достигла обширных размеров. Впрочем, русских писателей, докторов, в нем очень немного. Возвращаясь, однако, к нашей частной коллекции.

„В булльях“.
Рис. И. М. Гравовского.

Москвичи и Шумкин давно уже получили известность своими богатыми автографическими собраниями, но и Петербург не остался в долгу. По крайней мере коллекция П. Я. Зинкова не только не уступает им, но, пожалуй, и превосходит в отношении рукописей, еще далеко неиспользованных даже не включенных в списки после смерти собственника.

Обширная коллекция (в 1910 г.), а, впрочем, и сейчас, не меньше 12000 экземпляров, если не больше.

Это собрание писем, семейных архивов, исторических манускриптов, гравюр, фотографий, принесло громадную пользу многим работникам, которым не всегда были доступны государственные музеи и книгохранилища. К сожалению, теперь оно временно закрыто для осмотра, так как уложено в два многоценных ящика в чердаке...

Обширная коллекция у известного члена министерства иностранных дел, П. Л. Вакселя, где вся русская литература от А. Кантамира и весь западно-европейский литературный мир в десятках образцов каждого писателя. Его пользуются ищиями глазами Э. П. Юргенсона, так как сам П. Л. Ваксель уже не занимается расширением своего прекрасного музея, ищающего, кроме указанных рукописей, огромный запас гравюр, картин и рисунков, как наших, так и европейских лучших мастеров.

В своей статье об альбоме доктора В. Б. Беренсона „Судья и Усаба“, 1914, № 14—15) я упоминал и о других

„Хата“.
Рис. Г. Кондратенко.

„Лето“.
Рис. В. Степановой.

из коллекции: Ф. Ф. Филлера, В. И. Семенова, О. И. Фельда. Н. Б. Нордман-Степанов, об альбоме "Белогорские обиды", "патяки" и "вечерние Случайные".

Наконец, даю особую записку и о своем собственном альбоме "Стояния и Усадьба", № 25), так как и в альбоме и в записке друга из друга альбомов, и записка всякого, хотя бы и незначительного по величине автографического собрания, — уже не том, что оно нередко открывает подчас близкие знакомства, короткой фразой, сильным образом,

"Боярнич".

Рис. барона М. П. Кошута.

и рисунков появились у многих литераторов, и вчера поэма, произведенная у "случайных", похвалительно перешла в жизнь.

Усердный журналист М. В. Шенников тоже имел несколько альбомов и оригинальную коллекцию записанных в большом числе русских книг с собственноручными надписями авторов, среди которых есть и И. С. Тургенев, и Ф. М. Достоевский, а другие знаменитости.

Наконец собиратель отличается большой непосредственностью, чужд заискивания, ничто сам, не любя обращаясь к комиссионерам, а, напротив, поэтому автографической бирже у нас не существует: чужды на руках своего сравнительно мало (даже Пушкин продается недорого), да зато мало и фальсификаций. Преобладают не столько купля-продажа, сколько искреннее увлечение родными талантами.

II.

Наконец мне пришлось ознакомиться с тетрадями, принадлежащими библиографу и библиографу А. Г. Максимову и его супруге, белогорской М. К. Романовой.

Главный интерес в художественном отделе. Несколько рисунков и набросков воспроизводится в настоящем №. В альбоме попадаются рисунки В. А. Сорова, И. Е. Репина, И. Галкина, Л. Попова, Е. Выходца, А. Гауза, Альберта Бенуа, А. Бегрова и др.

"Смех — алмаз жизни".

Рис. Н. Репин.

торграфы А. К. Шенлера-Майхалова.

Во время литературного похода в качестве мыслителей и художников, и артистов, и музыкантов.

Чтобы ознакомить читателей и привести лишь некоторые отрывки, оставшиеся мне знакомые по своему замыслу или красоте формы.

Академик А. Ф. Кони так высказался по поводу "судебных установок" 20 ноября 1864 г., пятидесятилетней юбилей которой недавно исполнился: "Говорят, что первая любовь, вошедшая в сердце, постепенно выходит из памяти. То же и в жизни общественной. Судебная реформа была первой любовью людей моего поколения и в памяти их она останется, когда все остальное в ней померкнет".

М. Н. Алабин, писавший о некоторых людях большого, холодного города, внес законное замечание (несколько до своей смерти): "Люди умирают, а книги остаются".

Глубокая мысль высказана Нестором Котляревским: "Божество кажется всем жемчужиной, как и небо, но именно в этом-то небе и царят наибольшие дьяволы".

Творческая личность Федора Сологуба, автора лирической поэмы "Литургия Минь", отражается, как нельзя лучше, в следующей строфе:

Во мирях все призрачно и таинно,
И вот я запоев даю.
Она воткин немыслима:
Люби Меня и жизни Моею".

Разносторонний Леонид Галач (Габрилович), защитник эмпирической философии, гитарист, изобретатель в области многократного беззвучного телеграфирования и поэт, принес такой фрагмент из своего "Молчания":

О будь, душа, молчаливей средь молчанья,
Любви и даже дружбы твой союз отринь.
Заря нестает для влюбленных и жестоких,
Но трепещи влюбленным для влюбленного.
И облекись над маревом пустыни.
Возмужей, молча, каменная гора..."

Художники новейшей формации, К. Петров-Водкин, делает такой вывод: "В жизни много отчаяния, но мало влюбленных".

Из Шонгянский так определяет свой стиль художника: "...в истинном — несколько значений этого кислорода жизни; гаю он, там, где жизнь бьется сильнее, небо яснее, цветы больше пахнут, горизонты разнотравья".

Мечтаю о прошлом и живу будущим — вот принцип не другого художника, Н. Рериха.

Профессор Н. Куплевский утверждает, что "генеральные и талантливые музыкальные деятели, композиторы и исполнители — все это одна и та же душа. Из богатого творческого запаса неодолеимо".

П. П. Шенк над нотными знаками называет гимн свободного народа следующие слова: "Да будет мир одной державой, соловей братского неба и земли".

Они звучат примиряюще: хоромы особенно теперь, когда потекла наша кровь и разнесена по всей Европе туз бесмозглых казнов.

В. Ужолов-Колупеский.

"Ожидает".

Рис. Н. Самокина.

Автопортрет — шарж.

Рис. Н. Легат.

ПОДЪ ШАТРАМИ.

(Изъ моихъ скитаній).

Положи меня, какъ печаль, на сердце твое, какъ персть на руку твою; ибо крѣпка, какъ смерть, — любовь; ялта, какъ преисподняя, — ревность; сѣрамъ ей — стрѣлы огненныя.

„Письмо писано“ VIII, 6.

Пять дней назадъ, спасаясь отъ шумнаго, дѣловаго и раскаленнаго июньскимъ солнцемъ Нью-Йорка, я поднялся на крышу одной изъ здѣшнихъ гостиницъ, съ цѣлью провести остатокъ вечера поближе къ звѣздамъ и подальше отъ ультрасовременной жизни четырехмилліоннаго города. Благодаря позднему часу обширный „roof garden“, залитый сотнями огней, былъ наполовину пустъ, и я уже собирался вкусить прелесть одиночества, какъ кто-то меня окликнулъ.

— Hallo! Nicholas, old chap!

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, за кустами магнолій и цикламенъ, вокругъ большого круглаго стола, покрытаго синей отъ электрическихъ шаровъ скатертью, сидѣли двѣ женщины и трое мужчинъ.

Я подошелъ къ столу и въ одной изъ женщинъ узналъ мою несравненную Мэри, la donna, ch'avete intelletto d'amore, какъ выразился Данте въ своей второй *Canzone*.

— Вотъ встрѣча! — воскликнула она, протягивая мнѣ руку. — Откуда? Изъ какихъ странъ?...

Я не выдалъ Мэри болѣе двухъ лѣтъ. Но она была все такъ же прелестна и все такъ же очаровательно улыбалась и наклоняла свою смуглую головку красиваго мальчика.

За столомъ сидѣли еще миссисъ Сноардъ, мужъ которой строилъ желѣзную дорогу изъ Виннипега въ Аляску, Джими Форбсъ, тотъ самый Джими, который установилъ недавно рекордъ въ 80 миль въ часъ на своемъ „Пакарбѣ“, въ автомобильныхъ гонкахъ на трѣхъ у Индианополиса, и давній прошлой зимой обѣдъ на сто кувертовъ, во время котораго всѣ приглашенные ѣли изысканныя блюда верхомъ на крошечныхъ лошадишкахъ; совѣтникъ испанскаго посольства въ Вашингтонѣ, графъ Картагена, маркизъ де Хойа и, наконецъ, Гарри Стоунъ, одинъ изъ директоровъ „Knickerbocker Bank“, получившій известность послѣ того, какъ во время знаменитаго финан-

соваго краха 1907 года онъ одинъ оградилъ отъ разсвирѣпѣвшей толпы входъ въ кассовое отдѣленіе банка.

Всѣ они были только проездомъ въ Нью-Йоркѣ, недавно лишь вернувшись къ стѣ острова Кубы, кто съ французской Ривьеры, а кто изъ южной Калифорніи. Форбсъ и Стоунъ прѣехали въ одномъ и томъ же поѣздѣ изъ Санта-Барбары и брали по очереди медлительность „California Limited“ и ѣду въ вагонѣ-ресторанѣ.

Теперь они собирались бѣжать изъ Нью-Йорка и перебирали въ головѣ всѣ тѣ мѣста на земномъ шарѣ, гдѣ по ихъ мнѣнію должно быть прохладно и комфортабельно. Говорили объ Энгадинѣ, о Бавѣ, въ Канадскихъ скалистыхъ горахъ, вспоминали о Шницбергенѣ и Лабрадорѣ, только что входившемъ тогда въ моду.

Я подселъ къ Мэри.

— Эти люди, — сказала она, глядя на меня и улыбаясь одними глазами, — кромѣ избитыхъ дорогъ не знаютъ другихъ путей. Они не могутъ жить безъ экспрессовъ, спальныхъ вагоновъ и колоссальныхъ гостиницъ. Послала бы я ихъ въ Сирію или на Ливанъ, гдѣ намъ такъ хорошо жилось... — и, помолчавъ, добавила: — А вы такъ ничего и не написали о нашемъ путешествіи? Это же хорошо...

Она укоризненно покачала головой.

Я пробормоталъ, что не имѣлъ еще времени, что разнаго рода неотложныя дѣла мѣшали мнѣ всю зиму вѣзться за перо. На самомъ дѣлѣ мнѣ хотѣлось сказать ей, что вокругъ меня не было никого, кто бы меня вдохновилъ и съ кѣмъ бы я могъ пережить былые наслажденія.

Между тѣмъ Джими рассказывалъ:

— Однажды у Мурровъ, въ Филадельфіи, за завтракомъ, какъ-то дама спросила тепла ли вода въ Atlantic City и можно ли тамъ купаться. Шутникъ Хоббардъ предложилъ сейчасъ же съѣздить туда, чтобы въ этомъ убедиться. Всѣ согласились. Приготовленъ былъ специальный поѣздъ; по телефону въ лучшей гостиницѣ заказаны были комнаты и обѣдъ. Прѣехали въ Atlantic, пошли на пляжъ. Дамочка помочила кончикъ пальца въ водѣ и заявила, что вода черезчуръ

юдна. Не дожидаясь объѣда, вся компанія верну-
лась въ Филадельфію, опять въ спеціальному поѣздѣ.
это любопытство старикъ Муррѣ заплатилъ три
тысячи долларовъ, ха, ха, ха!

— Да, кстати,—воскликнула миссисъ Стюардъ,—
обращаясь ко мнѣ,—а гдѣ вы пропадали my dear,
опять странствовали по вашему грязному Востоку?
— Этотъ грязный Востокъ очарователенъ,—за-
явила Мэри.—Пусть только онъ вамъ расскажетъ о
своихъ скитаніяхъ по Holy Land.

Мнѣ не хотѣлось рассказывать. Подробности этого
далекаго путешествія въ обществѣ Мэри я хранилъ
эгоистично для себя.

Но меня начали упрекивать, а, главное, сама
Мэри выразила желаніе меня послушать, и потому,
скрѣпя сердцѣ, я принужденъ былъ набросать широ-
кіе мазкии нѣсколько сценъ изъ моихъ странство-
ваній по Палестинѣ и Сиріи.

Контрастъ между набросанными мною картинами и
всего окружающаго насъ жизнью былъ настолько ве-
ликъ, что моимъ слуша-
телямъ понадобилось сдѣ-
лать нѣкоторое усиліе
для того, чтобы снова вер-
нуться въ обычную для
нихъ обстановку.

Пользуясь общимъ
молчаніемъ, я подошелъ
къ краю обширной тер-
расы и облокотился на
балюстраду. Подо мной и
вокругъ меня громадный
Нью-Йоркъ переживалъ
еще одну ночь. Съ длин-
ныхъ, нѣсколько затих-
шихъ улицъ, казавшихся
узкими, благодаря высо-
кимъ домамъ, едва доле-
тали звуки: ревъ и гудѣ-
ніе автомобилей, мѣлкій
звонъ запоздавшихъ трам-
ваевъ, гортанные и осли-
шіе крики газетчиковъ,
продававшихъ послѣднее
изданіе вечернихъ газетъ,
тупой грохотъ ночныхъ
поѣздовъ надземной же-
лезной дороги...

Одновременно съ
этимъ, раскаленная отъ
солнца каменная стѣна
домовъ, размягшіи ас-
фальтъ тротуаровъ, въ
которомъ въ полдень вжали ноги прохожихъ, засохшія
деревья и кое-гдѣ газоны казалось выдѣляла изъ
всѣхъ своихъ поръ, въ этотъ часъ ночной прохлады,
всю жару и пылъ, скопившіеся за долгій жаркій день.
Громадный, тяжело дышавшій городъ курился теперь
точно колоссальныхъ размѣровъ кадилафина.

Вокругъ меня сверкали, таялисъ по небу и сколи-
зили въ воздухѣ міриады огней. Впереди вырисовы-
вались на темной сивень небѣ бѣлые громады небо-
скребовъ. Нѣкоторые изъ нихъ были еще освѣщены
снизу до верху: ровный желтоватый свѣтъ выливался
изъ сотенъ оконъ. Ближе всѣхъ возмѣшался ярко
освѣщенный особнякъ "New-York Times'a".

На каждой стѣнѣ, на каждомъ выступѣ и на каж-
домъ перекресткѣ, однимъ словомъ, всюду, гдѣ
только можно было ихъ помѣстить, мигали свѣ-
товыя рекламы разнообразныхъ формъ, величинъ и
содержанія.

Я посмотрѣлъ на небо. Но и тамъ не было покоя.
Каждая звѣздочка искрилась, трепетала, горѣла и ка-

залось, испускала изъ себя весь запасъ накопившейся
энергіи и желанія жить.

— Что это вы такъ задумались?—спросилъ около
меня знакомый голосъ, и маленькая, но крѣпкая рука
легла на мое плечо.

Я слегка обернулся и пристально посмотрѣлъ въ
глаза Мэри. Они тоже искрились, какъ и тѣ звѣз-
дочки, упирающіяся жизнью, но въ глубинѣ ихъ, я уви-
дѣлъ, какъ въ зеркалѣ, бѣлый образъ того, кото-
рый въ одно холодное зимнее утро всталъ между
мною и этой женщиной. Конечно, все было прощено,
но ничего не было забыто, и стоило только одному
такому взгляду коснуться свѣже зажившей раны, какъ
рана стала бы опять сочиться...

Я отстранилъ руку Мэри и, подойдя къ столу,
на которомъ въ изнеможеніи умирали красныя розы,
выпилъ залпомъ стаканъ ледяного шампанскаго.

Мы разошлись не скоро.

Внизу, выходя изъ лифта, спустившаго насъ съ
18 этажа, Мэри, прощаясь со мною, еще разъ сказала:

Roof-garden на крышѣ 18 этажа въ Нью-Йоркѣ.

Съ картии фото. г-на Гофбаера.

— Напечатайте то, что вы намъ рассказывали
сегодня. Я васъ очень обѣ этомъ прошу...

Ее ждалъ ярко освѣщенный автомобиль. Она съѣла,
не глядя на меня, но, когда ея автомобиль огибалъ
уголъ отъѣзда, я видѣлъ, какъ она сдѣлала мнѣ рукой
въ бѣлой перчаткѣ прощальный жестъ. Потомъ авто-
мобиль ринулся въ темноту 35-ой улицы...

Мы жили въ Каирѣ, я и моя дорогая Мэри, когда во мнѣ за-
родилось желаніе посетить Палестину и Сирію. Ежедневно я про-
водилъ нѣсколько часовъ полрѣзъ въ каирскихъ мечетяхъ, въ
старыхъ конскихъ черехахъ и въ арабскомъ университетѣ, помѣ-
щающемся въ "дѣтущей" мечети Азара, воздвигнутой въ честь
окружающихъ натуреи дворъ, мѣѣ приходящихъ галлерей,
свѣтъ въ почтеніи и ученихъ шейхъ, принадлежалъ къ
могущественному духовному братству Сулейма. Съ представле-
ніемъ же этого братства я былъ знакомъ со времени моего пу-
тешествія въ Трансиорданію и въ сѣверную часть Сахары.

Однако, ни эти бесѣды, ни послѣднее величественное мечей
и скромныхъ косящихъ храмовъ, со стѣнъ которыхъ смотрѣли
строге лики святыхъ, не удовлетворяли въ достаточной степени

гендерной стран, которую мы собирались посетить и даже фигура ири въ пестромъ костюмъ безднуни. Горяче ири тона восточ-
ныхъ матерій какъ нельзя лучше шла къ ея смуглой красотѣ.

Во всякомъ другомъ мѣстѣ это оцѣнило казалось бы макси-
мальнымъ костюмомъ, здѣсь оно было дополненомъ къ общей
картинѣ.

Передъ отъѣздомъ изъ Иерусалима я купила толстую тетрадь
и стала вести дневникъ. Не безъ грусти и нѣсколькихъ волненій
вырвамо я теперь изъ этой тетради нѣсколько тонкихъ листковъ.
Это, листки равней весны...

12 апреля.

Сегодня, рано утромъ мы покинули Иерусалимъ и, обогнувъ
Масляную гору, стали спускаться къ Вавану в Иерихонъ, перво-
му пути нашего далекаго пути въ Заиордань и Сирию. До-
рога, по которой мы шли, была пустыня и уныла. Вокругъ не было видно ни одного
дерева, ни сѣнаго куста, ни одной по-
лосы обработанной земли, одинъ камень, жалкие
полевые цвѣточки да шепчущая душа ти-
шина. Это характерный пейзажъ Иудеи,
Богомъ проклятой земли, выхолившей и без-
плодной, какъ библейская сикомонья.

Черезъ полчаса ѣзды, Иерусалимъ и его
багато-розовый цвѣтъ перестали быть видны.
Впередъ началъ вырисовываться характер-
ный горный пейзажъ, спускающийся террас-
ами къ краю голубой пропасти, на днѣ
которой скрывалась Иордань. Иногда между
удельными и скалами виднѣлись синія, сталь-
ного отлива галы. Мертваго моря, а за нимъ,
далеко на горизонтѣ бѣло-голубоватая и
почти-что воздушная гора Моза, курив-
шаяся въ этотъ ранній часъ, точно громад-
ная дымовая.

Я обернулась въ сѣдлѣ и указала на
некъ мой спутникъ. Она улыбнулась мѣй
своей бѣлой вуалью.

Прищипывая разнѣзавшуюся лошадь, она
порывалась со мной и протворила своимъ
груднымъ, металлическимъ голосомъ:

— Тамъ должно быть восстание!

Ну да, конечно, се должно было тннуть
туда, мою спутницу Сузанныю, стройную и
красивую, какъ цвѣты Киларскіе, какъ
дѣвцы Соломоновы.

Я взяла ее поводомъ и когда се лошадь
совсѣмъ близко пододвинулась къ мной и на-
легла своимъ бедромъ на мой сѣло, я об-
няла Муръ и мы долго ѣхали такъ, медленно
спускаясь въ священную долину Иавана.

Бѣла, вечеръ мы достигли Иерусалимского
оазиса. Нашъ лагеръ былъ разбитъ на зеленой ложбинѣ около
ручья, среди кустовъ дикаго жасмина и розолендровъ.

Когда послѣ обѣда я вышла изъ палатки, было уже
совсѣмъ темно. Въ направлении поселка Иерихонъ виднѣлись
огни, доносились лай собакъ и голоса, во вокругъ меня царилъ
глухой мракъ, и крошечъ журчащая рѣчка да потрескиваніе кузнечи-
ковъ, не слышно было ни звука...

Въ дубравѣ Заиорданья.

Фот. автора.

14 апреля.

Я проснулась въѣздомъ въ солончакъ. Вышла изъ палатки я на-
толпѣлась на джогарившій костеръ и на стнщѣ фигуры людей и
лошадей. Утренній воздухъ былъ
сѣмъ и ароматен. Послѣду
стала легкой туманъ, серебря-
ный въ инею, но въ
розовомъ въ высъ, тамъ, куда
достигали первые лучи солнца
и гдѣ купались уже жаворонки
и дикіе голуби.

Я осматривалась. Мы находи-
лись среди громаднаго плоскаго
пространства, оазиса, состоящаго съ
одной стороны горами Иудеи
съ другой, — гораздо дальше, —
высотами Галаада и Моза. То
была дѣя громадная стѣна, раз-
дѣлявшая между собою широкую
долину, среди которой лежала
Иерусалимская оазисъ.

Изъ палатки, служившей
намъ столовой, вышелъ драго-
матъ, посмотрѣлъ вокругъ, пе-
рекрестился и пошелъ къ рѣкѣ. Показались повара, худой длинный
дрѣбнѣшникъ, зѣвѣвъ лѣвой, потомъ еще другіе. Собаки залаяли;
пешо кули нечеловѣкъ, болтовня, тамъ заглаженъ панту. Ковзла
повелъ впередъ лошадей, а за нимъ, за нимъ, за нимъ, за нимъ, за нимъ,
снѣжка, стала вытннать табуна. Обычная лагерная жизнь вѣдала
въ свою колоду и по мѣрѣ того, какъ она участвовала темнѣ, сонне
подымалась все выше и жара становилась все болѣе чувствительной.

Послѣ утренняго чая мы поѣхали веревкой осматривать старый
и новый Иерихонъ. Отъ древняго еврейскаго и римскаго Иерихона,
называвшагося еще до VII вѣка „городомъ палмъ“ и распы-
женнаго въ нѣсколькохъ перстахъ отъ современнаго, остави-
лось лишь безформенныя развалины. Ни одна палма не уцѣлѣла.
Тутъ какъ будто еще до сихъ поръ носится проклятіе Иисуса
Навина: „проклятіе перелъ Господомъ тотъ, кто возстановитъ и
построитъ городъ сей Иерихонъ“.

Начиная съ Иисуса Навина и кончая римлянами времени Тита
и Траяна, городъ этотъ разрушался, возстановлялся и перекладъ
къ рукамъ въ руки, смотря по ходу исторіи еврейскаго народа.
Нынѣ на его мѣстѣ произрастаютъ раскины.

Новый городъ былъ построенъ первыми крестоносцами нѣ-
сколькою восточнее; онъ называется еще помнѣй „Новымъ Иерихо-
номъ“. Въ старину онъ былъ богатъ лаврами и периками, но теперь
остались на стѣни жалкаго поселка, насе-
женнаго нѣсколькоми сотнями бедуиновъ и
небольшимъ количествомъ грековъ и сирі-
ицевъ-христіанъ, занимающихся скотоводствомъ
и огороженностью, благодаря субтропи-
ческому климату.

На развалинахъ церкви крестоносцевъ
возмощается теперь греческая церковь и
скитъ, гдѣ живутъ два-три монаха.

15 апреля.

Этой ночью мы были въ пустынной за-
тѣнѣ въ греческой обители „Св. пророка
Елиаса“. Въ маленькой ирри, окруженной
высокими кипарисами и сикоморами, на-
дѣлось человѣкъ дѣлать мошанья. Тутъ
было нѣсколько грековъ и сиріицевъ, два
три бедуина катонка, два русскія бабы,
знакомка пріюта духовной миссіи да старей-
шій русскій дѣвчскъ, то и дѣла жалова-
вшийся мнѣ, что въ службѣ изъ достоящаго
благочинія. Церковь была грубо пѣвельна,
иконность блѣдная, а на стѣнахъ мѣсто
образовъ висѣли лубочныя священные кар-
тинки московскаго изготавленія, но зато на
полу была разбросана масса живыхъ розъ и
изъ розъ же были сдѣланы гирляндаи, обвива-
вшія скромные образы вѣковъ. И,
смотря на эти розы, я вспоминала слова Пи-
сина: „И послѣду, я подобно алавы Исаи
и подобно розамъ Иерихонъ“. Но въ насто-
ящее время въ Иерихонѣ и въ его окрестно-
стяхъ розы уже больше не растутъ, и чтобы
найти ихъ въ дѣломъ состояніи, надо ѣз-
дитъ къ берегамъ Селевкого озера на въ пѣсча-
ныя долины Аравии.

Заурочью и обѣду служили православ-
ный арабскій священникъ, принадлежавшій
какой-то деревни окрестностей Иерусалима. Онъ служилъ безъ
дыконовъ и часто путалъ службу, забывая возгласы и распѣвалъ съ
клеросомъ, на которомъ плѣла молодой греческій инокъ, пори-
затель красоты, и какой-то мирянинъ, съ гласувскимъ голосомъ.
Священникъ служилъ на арабскомъ языкѣ, хотя отбывалъ ему
по-гречески, но не являлъ мошанья заплата была столь великая
пѣра и уныніе, а все окружающее было такъ необычайно просто,
наивно и смиренно, что мы совершенно не замѣтили отсутствія
пышности и богатства.

Во время крестнаго хода хоругви несли арабы и греки, а
благословеніе снѣгу въ малень-
кій колоколь, звенящій какъ-то
натрѣснито и то очень несвое,
то весьма печально. Точнѣе му-
зыка, отстоявъ въ темной ночи
дрожавъ пламенемъ грошевшихъ
сѣмъ въ рукахъ мошанья, съ-
ободнѣвшихъ церковью. Потомъ
изъ сада послышались ружей-
ные выстрѣлы и возгласы: то
юные леопитимы стѣли въ
честь Мисерскаго Бога.

Когда мы вышли изъ скита,
предшествуемые нашими слу-
гами, несшими зажженные фа-
налы, большаго поляна луна освѣ-
щала заснувшій пейзажъ пори-
стою, на которой мы находились
отчетливо были видны не только
весь оазисъ и та ложбина, на
которой бѣлалъ нашъ лагерь, но и вся дѣльная цѣль горы Моза
и Галаада, мягко спускающаяся къ изюмкамъ Иордана и въ де-
лѣке Асфальтоваго моря, подернутое серебряной пеленою.

Николай Бриничаевъ.

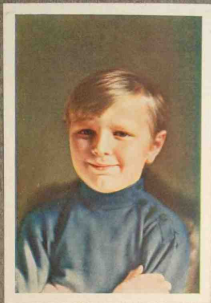
(Окончаніе въ слѣд. №).

Библейскій пейзажъ.

Фот. автора.

ЦВѢТНАЯ ФОТОГРАФІЯ

Портретъ Андрея Шуберскаго.
(Фотографія въ краскахъ инж. А. Е. Вязого).

Этотъ портретъ представляетъ интересъ, какъ первый въ Россіи опытъ печатанія на бумагѣ цвѣтной фотографіи лица.

Цвѣтные снимки, такъ называемой «автохромы», удаются пока очень труднѣе съ подвижныхъ предметовъ. Приходится дѣлать иногда по десятку снимковъ, изъ угла, и тотчасъ промывать ихъ. Снимокъ получается на стеклѣ. Переводъ его на бумагу требуетъ изготонленія трехъ клише: желтаго, краснаго и сянго, съ которыми уже производится послѣдовательное печатаніе.

Ю. Реботье, председательница
Московского Отделения Союза
французских женщин.

МОСКВА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Еще в 1913 году в центральном комитете Французского общества Красного Креста возникла мысль учредить в крупных городах дружественных Франции стран—в России и в Англии—отделения этого комитета, Sections de l'Union des Femmes de France.

В Англии мысль устройства такого комитета была встряена с большим сочувствием, и по ту сторону Ла-манша было открыто первое иноземное отделение.

Организация таких комитетов в России, начавшаяся еще в прошлом году, несколько затянулась. Только в сентябре 1914 г., когда началась война и потребовалась немедленная врачебно-санитарная помощь, подобные комитеты получили утверждение и быстро организовались в Петроград, Москву и Одессу.

В Москве уже много лет энергично действовало Французское благотворительное общество; оно обратилось в самом начале военных действий в Section de Moscou de l'Union des Femmes de France за помощью в деле устройства лазарета для раненых.

Лазарет быстро оборудовали. Врачебная часть отдана в руки известного в Москве хирурга д-ра Модильянского.

Во глав лазарета стала г-жа Ю. Реботье, председательница Section de Moscou. Благодаря ей, в этом лазарете соединились

Французский лазарет в Москве—во время обеда.

в дружной работе многие представительницы московской французской колонии. Дамы и барышни, пройдя курс сестер милосердия, ухаживают за ранеными.

В лазарет постоянно можно встретить г-жу Реботье, m-lles С. и Е. Реботье, Ж. Жиро, Е. Делявин, Н. Лебань, П. Верис, де Брюмьер, Фортэ и мн. других.

Елка для раненых в Императорском Училище Правоведения.

Лазаретъ М. Ф. Кшесинской.
(Каменисто-стр. просп., 24).

Мат. Фел.
Кшесинская.

Лазаретъ М. Ф. Кшесинской
(на 20 кроватей для тяжело раненыхъ) оборудованъ съ соблю-
дениемъ медицинск. требова-
ний современной медицины.

Упаковка исетовъ съ подарками чинамъ л.-гвард. 20-й артилл. бригады, подъ руко-
водствомъ Е. Ф. Сиверсъ, супруги командира бригады.

«Всѣхъ скорбящихъ ра-
достью», устроенный М. Н. Бобылевой.
На группѣ сидятъ раненые солдаты:
М. Н. Бобылевъ, О. Д. Черновъ, геш.-м.
Г. Н. Хребтовичъ.

Мар. Нин. Бобы-
лева, супруга ген-
отъ-кавалеріи.

Мар. Мих. Давы-
дова, супруга члена
правленія Русско-
Азіатскаго банка.

Лазаретъ Рус-
ско-Азіатскаго
банка.

Среди группъ
раненыхъ си-
дять М. М. Да-
видовъ; въ гла-
внѣхъ палаты у
печки—В. Ф. Да-
видовъ.

Ольга Конст. Карабчевская.

ПЕТРО- ГРАДЪ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

(Дамы, работаю-
щія на раненыхъ
и въ лазаретахъ).

Графиня Мат. Ив. Витте.

Екат. Ник. Трубинова, урожд. Ко-
валенко, старшая сестра инж. отд.
лазарета киевнии Зин. Ник. Юсу-
повой.

Мар. Мих. Лобно, рожд. Веселого.

Княгиня Ольга Ник. Гедройцъ.

Т. В. Еленова, ухажала сестрой милосердия въ действующую армию.

М. И. Янушевичъ, супруга Ставропольскаго
Губернатора.

Дамы, работающія на нужды войны въ провинціальныхъ организаціяхъ Краснаго Креста и др.

Княгиня А. Е. Горчакова, супруга Палужского губернатора.

О. Н. Чернявская, супруга Витского
Губернатора.

М. О. Стерлигова, супруга Чернышевского
Губернатора.

Складъ вещей Финляндскаго Окружнаго Управленія Росс. Об-ва Краснаго Креста—въ домѣ Финляндскаго генералъ-губернатора. Предсѣдательница С. И. Зейль съ дамами упаковываютъ вещи и рождественскіе подарки для отправки въ действующую армію.

С. И. Зейдъ,
супруга Фик-
лидского ге-
нерала - гу-
бернатора,

Всплеск войны на моду — шляпа „bonnet de police“.
(Из „Sketch“).

„СЕЗОНЪ 1915 г.“ НА РИВЬЕРЬ.

Постараемся назвать, когда по улицам Ниццы докторъ Тобисъ Смагелетт (изъ Лондона) провѣтывалъ свою нинхонарию старого англійскаго ригориста-протестанта, французская Ривьера, какъ мѣсто веселья и курортъ, еще не существовала. Тогда рѣдка были ея гости, и прошло много столѣтій, раньше чѣмъ Ривьера стала моднымъ мѣстомъ, благодаря англійской королевы Викторіи, ея савку и господину Бангъ, создавшему знаменитый горный домъ въ Монте-Каро.

Послѣдняя четверть прошлого столѣтія вѣдала расцвѣтъ французской Ривьеры. Въ тѣ годы ее посѣщали караваны англичанъ, толпы русскихъ и французовъ. Но прошло два десятка лѣтъ и больше, но предпосылки явились, стали предвѣстники сѣньныхъ вершинъ Швейцаріи, а для людей здоровыхъ, изъ поисковъ солнца и тепла, открылся новый рай—Египетъ. Англичане стали забывать Ривьеру, американцы тоже, даже число русскихъ уменьшилось. Но тогда появились итальи. Однако, при первомъ же ихъ появленіи разбѣжались послѣдніе англичане, американцы скорчали гримасы, и „тонусъ“ жизни на Ривьерѣ сошелъ на нуль. За послѣдніе годы вѣдать на Ривьеру перестало быть возможнымъ, и только тѣ, у которыхъ были тамъ собственные виллы да казино и несправные игроки еще посѣщали славную виллою Cote d'Azur, стараясь по возможности жить своимъ кружкомъ.

Въ нынѣшнемъ году много вышло отъ Тулона до итальянской границы нѣмцы семими выходящими французскими и англійскими офицерами. Почти всѣ госпитали открылись. Открыло свои двери и казино Монте-Карло. Пришли въ Ниццу традиціоннаго карнавала въ этомъ году не было, зато, какъ Ницца, такъ и вообще вся Ривьера, готовитъ большое удовольствіе своимъ посетителямъ: на Cote d'Azur въ этомъ году не будетъ ни одного итальи.

Globtrotter.

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

— Вы вѣдали какъ у него кошель? съ извѣстнаго спросилъ художникъ мажоръ, по уходѣ биржевого туза, знаменитаго въ продолженіи цѣлаго часа своей тушной фигурой и „вѣшными признаками богатства“ свою обычную аудиторію.

— Огрызанные ноздри и пятипалые бриллианты, вотъ символъ современнаго „раггени“, — вторилъ другой собесѣдникъ, мысленно прескряя къ столу биржевикомъ.

— Онъ самъ нынѣ въ люди—отвѣтилъ третій, слабо зашевеливъ отсутствующе.

— Но это еще не резонъ поражать окружающій міръ своимъ „веконитиэмомъ“, сказалъ живо тотъ, кто напоминалъ Меркуріа, съ знаменитой картины Веласкеза „Меркурій въ царствѣ Плутона“, изъ вѣдраскаго Прага.—Можно извѣстна людямъ ихъ богатство, но только при условіи, чтобы они держались скромно... Всѣ эти кто бы показали богатства, на самомъ дѣлѣ ничего не показываютъ, кровъ развѣ одного, что между средними европейцами и любыми туземцами. Новогербацкіе остроумцы итъ, никакой разницы: оба любятъ одинаково укрывать себя разнаго рода побрякушками.

— По вѣшному, значить, никакія драгоценности для мужчинъ недопустимы?—спросилъ кто то.

— Нѣтъ, почему всѣ! Можно носить какое нибудь старинное кольцо, перстень, по случаю, или, какъ нынѣ, главнымъ обра-

зомъ, историческую цѣнность. Можно носить на пальцѣ кольцо съ своимъ родовымъ гербомъ въ видѣ печати, то есть то, что французы называютъ „chevalière“ изъ матоваго золота или еще лучше изъ темнаго серебра съ твердымъ цѣннымъ камнемъ. Но подобнаго рода кольца должны имѣть художественную цѣнность, а не денежную. Вотъ это то маленькаго особеннаго и различаютъ люди въ извѣстномъ демократическомъ и денежномъ вѣкѣ, когда самими дорогими вещами считаются тѣ, которыя не имѣютъ никакого практическаго значенія и рыночной цѣны.

— Все это пустяки!—встала молчаливая, бритый, грузный господинъ,—настоящій баринъ останется баринкомъ, хотя бы онъ надѣлъ бриллиантовое ожерелье, а вотъ такіе „раггени“, какъ этого вашъ Менелай Менеласовичъ, еще больше будутъ смѣшными и съ вѣшными гербами и матовыми кольцами... вообще эти лѣткіе хорошаго тона ни къ чему.

— Нѣтъ, это интересно!—завилъ всѣхъ, и жѣны все пустяки, даже сама жѣна теперь, а эти пустяки не менѣе интересны, чѣмъ всѣкіе другіе—отвѣтилъ Меркурій изъ Прага.

...Иногда я замуриваю газза и стараюсь вообразить себя въ маленькомъ купѣ Норвѣ-Экспрессъ... Раннее утро, въозвѣщаемъ къ Кельму, вотъ онъ мостъ черезъ Рейнъ, еще туманъ и дымъ надъ рѣкою, неясный соборъ... Въ четыре часа Парикъ...

И возвращаясь къ действительности поражаешься снова всѣмъ развѣ—какъ это невозможно сейчасъ! Какой то сонъ, бредъ, фантазматорія! Парикъ сталъ гдѣ то за тридцать земель, дѣтъ не дѣтъ лѣтъ по сушѣ и морю, съ рискомъ, среднѣ мин... У Кельма бродятъ какіе то дикіе люди, которые сейчасъ же пойдутъ или разстрѣляютъ, если пробраться къ нимъ... Среднѣ вѣтъ! Кошмаръ... Все это казалось неапритнымъ пологомъ маза.

— А за то какъ знатно будетъ вѣтъ въ Ницца-Экспрессъ, когда они, наконецъ, пойдутъ—по русской Галиціи безъ пересадки чуть не до Вѣны, граница будетъ уже не утромъ, а въ вечеру, и потомъ только 2 часа до Вѣны... И какъ будетъ странно и ново смотрѣть на юркихъ итальи на германскихъ станціяхъ, послѣ кошмара войны, какъ будетъ пріятно сознавать, что итъ больше германскаго милитаризма, итъ этого величайшаго преступленія перхъ культуры, постоянной угрозы изъ Берлина...

— Я сегодня наметъ игривыя карты, привезенныя мною съ одного изъ германскихъ пароходовъ, на каждой надписъ—„Mein Feld ist die Welt“... Welt что-то у нихъ остался небольшой, него Кукерфенъ съ Бремергафеномъ, да часть Балтійскаго моря... а цѣра океана по прежнему англичане.

„Шить на раненыхъ“... (Изъ „Lady's Picture“).

Проходъ мимо лавной трибуны оборудованной на средства Императорскаго Петроградскаго Общества помощи раненымъ и больнымъ Императорскаго Вѣдѣнаго Санитарнаго Отряда Краснаго Креста князя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича.

Автомобили Персидскаго Санитарнаго Отряда Краснаго Креста князя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича.

САНИТАРНЫЙ ОТРЯДЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ПЕТРОГРАДСКАГО БЪГОВАГО ОБЩЕСТВА.

Какъ только началась война, Императорское Общество Помощниковъ Раненымъ и Больнымъ Императорскаго Вѣдѣнаго Санитарнаго Отряда Краснаго Креста князя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича.

Изъ пожертвованной суммы, приблизительно 250.000 р., было ассигновано по инициативѣ старшаго члена Общества князя Дм. Дм. Вяземскаго на оборудование и содержание передвижнаго санитарнаго отряда. Отрядъ этотъ устроенъ превосходно. Во главѣ его стоитъ уполномоченный Общества, кн. Д. Л. Вяземскій, а его помощникомъ является членъ-соревнователь Общества, кн. Е. С. Васильевъ, и гр. П. П. Шуваевъ. Старшимъ врачомъ состоитъ докторъ медицины Ф. Б. Швейцъ, бывшій старшимъ санитарнымъ офицеромъ Петроградскаго госпиталя дѣтскаго вѣдѣнія; его помощники — Л. Л. Ванъ-Гуттомъ и Н. В. Моховъ. Отрядъ состоитъ изъ 12 автомобилей, 12 парныхъ фургоновъ, 12 одноконыхъ, 6 парныхъ лошадей, 12 верховыхъ санитаровъ и 80 вѣшнхъ.

Желаю сказать, что дѣло съ именемъ Великаго Главнокомандующаго Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича, и поэтому тѣмъ, что онъ состоитъ въ числѣ его почетныхъ членовъ, Императорское Общество обратилось къ Великому Князю съ просьбой принять подъ свое Августѣйшее покровительство санитарный отрядъ. Получившій Предсѣдателя О-ва отвѣтъ гласилъ:

„Глубоко тронутъ и сердечно благодаренъ Императорскому Обществу Помощниковъ Раненымъ и Больнымъ Императорскаго Вѣдѣнаго Санитарнаго Отряда Краснаго Креста князя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича за широкое по-

жертвованіе и желаніе сочетать столь полезное дѣло съ моею жизнью. Выражаю полное согласіе и шлю лучшія пожеланія отряду и вамъ, какъ его уполномоченному. Генералъ-Адъютантъ Николай“.

Отрядъ былъ зачисленъ въ ряды русской арміи, подъ названіемъ: „Передовой санитарный отрядъ Императорскаго Петроградскаго Общества Помощниковъ Раненымъ и Больнымъ Императорскаго Вѣдѣнаго Санитарнаго Отряда Краснаго Креста князя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича. Верховнаго Главнокомандующаго русской арміи“.

Передъ уходомъ отряда на поле брани, ему были произнесены слова напутствъ на нивѣ смерти Общества и отпущены въ путь. Въ числѣ ихъ были: „Помощники Раненымъ и Больнымъ Императорскаго Вѣдѣнаго Санитарнаго Отряда Краснаго Креста князя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича. Верховнаго Главнокомандующаго русской арміи“.

Помощники Раненымъ и Больнымъ Императорскаго Вѣдѣнаго Санитарнаго Отряда Краснаго Креста князя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича. Верховнаго Главнокомандующаго русской арміи“.

Редаторъ-издатель Вл. Крымовъ.

